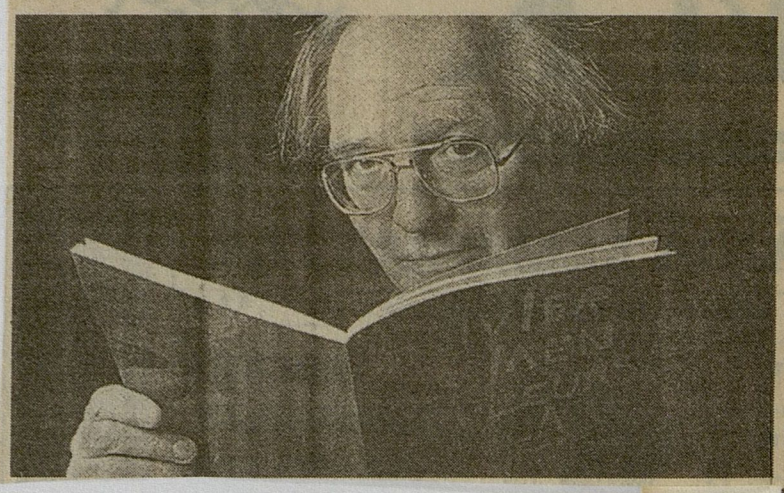
Мессиан Оливье
(фестиваль)

02.99

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ



В январе в Лондоне прошел трехдневный фестиваль музыки Оливье Мессиана. Среди других в нем приняли участие вдова композитора Ивонн Лорио, органист Наджи Хаким, пианист Пол Кроссли и оркестр "Лондонская симфониетта" под управлением Джорджа Бенджамина. В связи с этими концертами английские газеты опубликовали материалы, посвященные одному из самых значительных композиторов XX века. Предлагаем вниманию наших читателей наиболее интересные фрагменты.

Муз. обозрение. — 1999. — №2. — С. 5

Во Франции немало людей, почитающих Мессиана как святого. Ивонн Лорио получает письма от тяжело больных, утверждающих, что музыка ее мужа облегчает их страдания. Некоторые школьники идут на экзамены, положив "на всякий случай" в карман фото Мессиана. "Люди чувствуют его присутствие, — говорит Лорио. — Его вера была заразительна". Мессиан был великим человеком. Но и Лорио — легендарная французская пианистка, одна из лучших интерпретаторов музыки Мессиана. Со дня их свадьбы в 1962-м и до кончины композитора в 92-м они обитали в скромной квартирке из трех небольших комнат на нефешенебельной стороне Монмартра. Теперь здесь живет одна Лорио.

...Они познакомились с сорок втором, в Парижской консерватории, где Мессиан преподавал музыкальный анализ.

"У него было всего двенадцать официальных учеников, — вспоминает Лорио. — Однако на самом деле их было гораздо больше. Приезжали музыканты со всего мира, часто просто для того, чтобы послушать его. Я была одной из учениц и во время занятий исполняла на фортепиано музыкальные примеры. Он был моим мэтром — всегда, даже после нашей свадьбы. Я никогда не называла его по имени, всегда "Мессиан". Или "мэтр". Мне и в голову не приходило сказать "мой Оливье", никогда! Я слишком преклонялась перед ним".

Ивонн Лорио стала музой Мессиана, и вот почему в его творчестве фортепианные сочинения занимают столь значительное место. Начиная с 1943 года все они писались для нее, включая "Двадцать взглядов на младенца Иисуса" (1944), "Каталог птиц" (1956—1959), "Экзотические птицы" (1956) и др. До сего дня 74-летняя пианистка продолжает исполнять музыку Мессиана в концертах.

Их жизнь долгое время была окрашена в трагические тона. Когда они полюбили друг друга, Мессиан был женат. Супруга его страдала прогрессирующим душевным заболеванием. Однако, как добрый католик Мессиан не мог ни развестись с ней, ни физически проявить свои чувства к Лорио. "И мы плакали, — говорит Лорио. — Мы плакали 20 лет, пока она не умерла и мы смогли пожениться".

Ожидание было испытанием терпения — качества, проявлявшегося не только в работе композитора, но и почти во всех аспектах его жизни, включая без малого шестидесятилетнюю службу органистам церкви Святой Троицы в Париже, где маэстро импровизировал во время утренней мессы практически каждое воскресенье. Немало прихожан приходило в церковь главным образом для того, чтобы услышать эту чудесную музыку.

Теперь за органом маэстро заменяет Наджи Хаким, композитор и органист, родившийся в Ливане.

"Я видел Мессиана лишь однажды, — говорит Хаким. — в то время я играл на органе базилики Сакрэ Кер, и както мне сказали, что Мессиан несколько раз приходил послушать мою игру. Однажды после мессы он попросил, чтобы его представили мне. Он очень высоко отозвался о моей игре, и это поразило меня: ведь сам он был таким чудесным органистом! Он мог импровизировать в манере любого другого композитора — Видора, Дюпре, Ланглe — столь же непринужденно, как и в своей собственной. Верующий, глубоко религиозный человек всегда был виден в нем, и он походил на патриарха".

Когда Мессиан играл на органе, Ивонн Лорио неизменно была рядом, записывая на магнитофон его импровизации. Теперь систематизация этой уникальной фонотеки — одна из важнейших для нее задач. Но сначала она должна завершить подготовку к публикации несколько последних трактатов Мессиана о технике композиции. Лорио считает себя хранителем и пропагандистом творческого наследия мужа. Особенно потому, что его сын от первого брака не проявляет к этому никакого интереса. "Он не понимает творчества своего отца, — говорит Лорио, — и не хочет заниматься всем этим".

Не чувствует ли она себя одинокой в этой квартирке?

"Да, конечно... Но когда я нуждаюсь в Мессиане, он все еще здесь. С тех пор, как он умер, на меня дважды нападали уличные грабители, и оба раза он защищал меня. Да-да, это правда! А потом, я всегда занята. У меня много работы: концерты, музей (Лорио хочет устроить его в их летнем домике под Греноблем), сооружение памятника Мессиану. Это будет птица, с цитатой из "Харави" на груди. Я думаю, она будет прекрасна".

...Пол Кроссли впервые встретился с Мессианом, когда занимался английским в Оксфордском университете.

"Я играл сольную партию фортепианного концерта Моцарта на сцене Оксфордского театра, и вдруг кто-то по памяти стал на другом инструменте подыгрывать мне партию оркестра. То была Лорио, приехавшая с Мессианом, чтобы дать несколько концертов".

Несколько месяцев спустя Кроссли перебрался в Париж, где стал брать у Лорио частные уроки фортепиано. Шел 1968 год, памятный студенческими волнениями.

"Раз в неделю я направлялся в их квартирку на урок. Он мог длиться часами. Примерно в четыре Мессиан обычно возвращался из консерватории и присоединялся к нам. Ни его, ни Лорио время, казалось, не волновало. Я был для них кем-то вроде приемного сына...

Их явно не интересовала какая-либо роскошь, комфорт, хотя Мессиан в то время был очень хорошо обеспечен. Квартирка была маленькая и совершенно без претензий. Наверное, раньше тут была гостиница, потому что когда вам нужно было в туалет, вам вручали ключ к помещению в коридоре, которым они пользовались вместе с несколькими другими семьями. И они, видимо, были совершенно счастливы жить вместе вот так".

Кроссли не согласен с теми, кто изображает мэтра каким-то полным самоотречения музыкальным францисканцем.

"Он не был таким! Разумеется, в его внутренней жизни доминировала вера. Во внешних же проявлениях, касавшихся, например, музыкальной техники, он был неумолимо практичен. Однажды он сказал мне: "Если у вас есть какой-либо дар, вы прежде всего обязаны развивать его, нарабатывая как можно более высокую технику". У него не было времени для композиторов, слабых в техническом отношении. Когда он слышал подобное сочинение, то просто говаривал: "Этот ничего не смыслит". Единственный раз я видел его разгневанным: он только что вернулся с концерта, который был плохо подготовлен. Мессиан был в ярости!

Он, вероятно, знал, насколько он талантлив. И тем не менее, очень много работал над тем, чтобы сделаться композитором с хорошим техническим аппаратом. Я знаю, как он гордился этим — больше, чем чем-либо иным".

Кроссли помнит и "неофициального" Мессиана.

"Он по-настоящему любил жизнь. И это проявлялось по-всякому. Однажды он пригласил нас, студентов — целую кучу! — в китайский ресторанчик и настаивал, чтобы каждый из нас попробовал все эти экзотические блюда прямо с его вилки. Было очень весело, и так по-французски!

А как насчет эксцентричности, которой так славился Мессиан?

"Я не называл бы это эксцентричностью. Он просто знал, что для него важнее, и не заботился о том, что могут об этом подумать другие. Однажды я участвовал в фортепианном конкурсе в Руане, где Мессиан был председателем жюри. В утро финала он и Лорио не пришли к началу. Мы все, безумно волнуясь, собрались за кулисами и ждали. Наконец, они появились. Кто-то спросил: "Где же вы были? — Мы ходили к мессе. — Но, мэтр, Вы же знаете, что мы не можем начать без вас! — Понимаете, мы хотели помолиться за конкурсантов".

О чувстве юмора, которым Мессиан не был обделен, вспоминает британский композитор и дирижер Джордж Бенджамин, занимавшийся с маэстро композицией сначала частным образом, а потом в Парижской консерватории.

"Меня всегда удивляла царившая в его классе непринужденная атмосфера. Она была совершенно не регламентирована: на урок мог прийти практически любой, он не возражал. Он анализировал для нас несколько сочинений, а потом, если было желание, мы могли сыграть то, что написали. Однажды появился очень высокий американец в черном костюме, в очках, с непроницаемым лицом — и попросил разрешения сыграть свою Первую фортепианную сонату. Ее нотная запись занимала всего три страницы стандартного формата, однако темп был столь медленный, что на каждые несколько секунд приходилась примерно одна нота и все произведение звучало около 50 минут. Когда автор сыграл примерно половину, я начал посмеиваться. Но Мессиан сидел и слушал очень внимательно. По окончании он задал несколько вежливых вопросов — о вероятном влиянии Джона Кейджа и т. д. Когда же американец осведомился, позволят ли ему теперь сыграть и Вторую сонату, Мессиан просто сказал: "Думаю, лучше в другой раз". Я задержался в классе, как бывало иногда. Когда все ушли, Мессиан расхохотался. Я тоже. Несколько минут мы не могли остановиться! Но при всех, на публике он никогда не позволял себе ничего подобного.

Бенджамин отметил и необыкновенную учтивость Мессиана.

"В 1982 году, когда мои занятия с мэтром окончились, я захотел показать ему свое новое сочинение. В то время он был в Мюнхене, и накануне нашей встречи я пошел на концерт. Он тоже оказался в зале и, вероятно, заметил меня. Тогда ему было уже за семьдесят, он ходил гораздо медленнее, чем раньше, да и сидел очень далеко от меня. И все же подошел ко мне, чтобы просто поздороваться и сказать, что с нетерпением ждет завтрашней встречи. Казалось бы, мелочь, но многие ли поступили бы так же? Не говоря уже о столь великих композиторах, как он".

По материалам зарубежной прессы подготовил В. НЕСТЬЕВ.

8